

ТАТЬЯНА ХМЕЛЕВСКАЯ

Осуществление ожидаемого

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БИБЛИИ.
УРОКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
МУДРОСТИ

Татьяна Хмелевская

Осуществление ожидаемого.

Критический анализ Библии.

Уроки теоретической мудрости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18912243

ISBN 9785447482855

Аннотация

Второе пришествие Христа волнует человечество вот уже две с лишним тысячи лет. Эта проблема может быть разрешена только самой Библией. Для объяснения всей загадочности её «великого дела» она хранит в себе метод исследования, невидимый при простом чтении. Этим специфическим методом «книга книг» поворачивается к людям неожиданной стороной, представившей своим непорочным рационализмом с его рефлексивно-продуктивным знанием. Изнаночная сторона уступает место лицевой стороне, форма – содержанию.

Содержание

Вступление	6
Урок первый. «Чужестранный язык» Библии – причина её необычайной загадочности	28
Урок второй. Метод преобразования «священной истории»	48
«Твёрдое основание» учения	65
Пять положений библейской теории познания	68
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Осуществление ожидаемого Критический анализ Библии. Уроки теоретической мудрости Татьяна Хмелевская

*Памяти всех невинно убиенных и
пострадавших от гнёта жестоких
и несправедливых преследований
фанатиками-экстремистами, в процессе веков
воспитанных на принципах нетерпения
инакомыслия.*

© Татьяна Хмелевская, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я знаю, нелегко осознать, что слышишь новые вещи. Мы приучены к старым мелодиям и мотивам, мы уже давно перестали надеяться и верить, что может быть нечто новое. И когда мы слышим новое, то принимаем его за старое или думаем, будто можем объяснить и истолковать новое старым, трудное дело – осознать

возможность и необходимость совершенно новых идей; это требует со временем переоценки всех привычных ценностей.

П. Д. Успенский.

Братья мои, чревом Христа заклинаю вас: помните, что вы можете ошибаться.

Оливер Кромвель

Вступление

Масса доморощенных учений, концепций, доктрин, а нередко просто суеверных и невежественных вымыслов о Библии к началу третьего тысячелетия лавинообразно обрушилась на неустойчивое, слабо защищённое общественное сознание. На протяжении всей истории и в благоприятное для них время сорняки человеческого духа поднимали свои шляпки, словно ядовитые грибы после тёплого весеннего дождя, привлекая и обольщая своей внешностью необученных культуре мышления масс.

Люди с развитым аппаратом критического мышления понимают эту исторически сложившуюся ситуацию и в целях безопасности с огромным недоверием относятся к какому-либо новому сообщению об этой удивительно, но объяснимо живучей книге. По- большому счёту, эта часть общества совершенно права. Но здесь, как в этих случаях говорят, легко вместе с водой выплеснуть младенца. Да к тому же в этом случае имеет место быть такое общественное явление, как «субъективная помеха – «призрак пещеры» – вера в авторитетное заключение, которая часто бывает мощным препятствием на пути преодоления предубеждений в исследовании природы. Как же в таком случае быть с неистребимым, рефлексивным стремлением разума к истине, как противостоять не только богословскому, но и научному догма-

тизму? Вопрос, как показала история и личная практика автора, далеко и совсем не простой.

Поиском ответа на этот всегда злободневный вопрос будет занято внимание читателя. Выход есть! И называется он теоретическим мышлением – обоснованным неоспоримыми и очевидными фактами, экспериментом, логикой, личным опытом авторов Библии. Теоретический и экспериментальный способ познания, как доказала история и философия науки, – самый верный и самый надёжный. Он предугадывает ошибки и связанные с ними заблуждения, которые, разрастаясь, подобно раковой опухоли, своими смертельными метастазами поражают человеческий разум, уводя его в непроходимые дебри заблуждений. Библия – объект теоретического знания! Она располагает своеобразной, не похожей на многие другие теорией истины, незатейливым перечнем её положений.

Знаю, что на фоне современных достижений критического анализа нашего предмета исследования это звучит абсурдно, почти смешно. Но знание не стоит на месте, оно обладает свойством эволюционировать. В таком случае, почему мы в отношении «запечатанной семью печатями книги» должны останавливаться на достигнутом уровне её познания?

Сам факт существования неисчислимого количества научной и богословской информации о Библии создаёт парниковые условия для накопления неразрешимых противоречий в её толкованиях. Хорошо это или плохо? Известно,

что «в формальной логике противоречие является сигналом бедствия, однако в развитии реального знания оно означает первый шаг к победе. Это должно служить основой для предельной терпимости к разным мнениям. Раз и навсегда формула терпимости была суммирована в словах: «Оставьте расти вместе то и другое до жатвы. Неумение христиан действовать в соответствии с этим предписанием высшего авторитета – любопытный факт религиозной истории... Есть легкие пути, ведущие к иллюзорным победам. Достаточно просто сконструировать логически гармоничную теорию, имеющую важные приложения в области фактов, при условии, что вы согласитесь пренебречь множеством очевидных вещей».¹

Апостол Павел по поводу размножения различной информации об их учении писал: «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» *1 Кор 11:19*.

Так что процесс познания, как явление всеобщее и эволюционирующее, всегда противоречив. Борьба воззрений и даже порой жесточайшая война между ними для кристаллизации истины необходимое, не людьми установленное условие.

Одним словом, те противоречия, которые накопились в исследованиях «вечной книги» за две с половиной тысячи лет, являются «сигналом к бедствию», которое, однако, в определённом случае, можно и нужно расценивать в ка-

¹ Уайтхед А. Философская мысль запада. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/uaith_fil/01.php

честве «первого шага к победе». Поэтому в нашем случае «сигнал к бедствию» должен стать сигналом к дальнейшему действию. Фактом остаётся одно – исследование Библии на сегодняшний день – процесс, далёкий до своего завершения. А в том, что «множество очевидных вещей» в текстах Библии игнорируются всеми без исключения её исследователями, остаются незамеченными – это также факт, не вызывающий сомнений. И эти вещи терпеливо ждут от человека своего единственно верного объяснения: «Твердая установка принимать всё, что представляется очевидным, может служить лишь методом, предохраняющим от неустойчивых крайностей модных мнений. Эта установка кажется такой простой, однако следовать ей на практике чрезвычайно трудно».²

Так что многообразие информации о нашем объекте исследования для критично ориентированного ума имеет и свои положительные стороны.

Интерес к Библии на протяжении её долгой истории отмечен периодами цикличности. Но сам по себе интерес к ней никогда не исчезал.

К настоящему времени всё многообразие сведений о Библии можно рассортировать на два наиболее общих идейно-парадигмальных подхода:

1. Позитивно-материалистический.

² Уайтхед А. Философская мысль запада. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/uaith_fil/01.phpa.

2. Догматически-доктринальный.

Первый, как правило, игнорирует в библейских текстах наличие духовно-рационального содержания (сведение библейской разрозненности и фрагментарности текстов к единой первооснове), того высшего, в смысле объективного значения, который был вначале запрограммирован в первой части Библии – в Ветхом Завете, а затем полностью реализован во второй её части – в Новом Завете.³ Этот подход заключается в полном игнорировании самого предмета исследования – сооружение Вавилонской башни из кирпича сырца на песке без надёжного основания. Даже ребёнку известно, что такое строение при неблагоприятных условиях непременно рухнет и превратится в груды строительного мусора.

Позитивно-материалистическая парадигма не молода и в начале своего формирования (начало XVII в.) имела главного и сильного оппонента в лице богословия. Ныне же её принимают и развивают представители не только светской научной мысли, но и некоторые видные теологи клерикального направления. Одним из характерных примеров радикального использования данной парадигмы является вывод о том, что «Евангелия – это культовые легенды», «просто-народные культовые книги, относящиеся к малой (низовой) литературе, которая была обращена к публике, не имевшей связей с большой культурой эллинизма».⁴

³ Далее будет объяснено, что существующее название Заветов в корне неверно.

⁴ Под ред. С. В. Лёзова С. В. и С. В. Тищенко С. В. Канонические Евангелия.

Предпосылкой второму, догматически-доктринальному подходу явилась древнецерковная догматика христианской веры, оформившаяся в истории Вселенских Соборов, начиная с Никейского Собора 325 года, когда впервые был составлен знаменитый Символ Веры, и сохранившийся в неизменном виде до наших дней.

Особенностью второй «теории» является слепой догматизм и ригоризм, выродившийся в непримиримый обскурантизм. Поэтому эта парадигма в отличие от первой позитивно-материалистической вообще не имеет шансов претендовать на то высшее, что Христос называл совершенством, вечной жизнью, а современная философия называет объективным знанием. *Мф 5:48.*

Естественно, что все наиболее значительные открытия в области критического анализа Библии до сих пор осуществлялись в русле уже названных позитивно-материалистической и догматически-доктринальной парадигм. На их основании развились целые школы с уклоном в ту или иную сторону. И всякий новый исследователь, пожелавший сказать своё слово о «вечной книге», обязан был приклоняться к одному из концептуальных подходов, что в свою очередь способствовало развитию догматизма как в науке о Библии, так и в теологии.

Такого рода ситуацию в истории науки хорошо описал П.

Фейерабенд, справедливо отметивший, что не только теологии, но и науке присущ элемент мифологического сознания, который отстаивает «систему основополагающих положений – это система запретов, табу.... И всё, что не охватывается обоснованной категориальной системой или считается несовместимым с ней, либо рассматривается как нечто совершенно неприемлемое, либо – что бывает чаще – просто объявляется несуществующим».⁵ Ученый заключает: не только богословие, но и «наука не готова сделать теоретический плюрализм основанием научного исследования».⁶

Благодаря застою в науке и философии развивается «филодоксия, как спутница философии, её враг, она мафиозна – держится на личных связях в противоположность принципу – Платон мне друг, но истина дороже». О Христе Евангелия пишут: «Ты служишь, невзирая на лица». Эти слова говорят о том, что в человеческом обществе всегда были люди, которые во имя убеждений и стремления отстоять истину плыли против течения, рисковали жизнью и даже шли на смерть – на костры и пытки.

Я особо подчёркиваю мысль П. Фейерабенда, потому что предлагаемое исследование, хотя и склоняется в некотором смысле к первой, позитивно-материалистической парадигме, но всё-таки дистанцируется от всех указанных исследовательских направлений, что неминуемо повлечёт за собой

⁵ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1994. С. 454.

⁶ Там же. С. 454.

различного рода возмущения, как со стороны учёных, так и со стороны догматического богословия. И это естественно!

Помимо известных двух парадигм исследования библейских текстов существует еще и **третья – её собственная – философско-историческая или логико-диалектическая, которая на сегодняшний день разработана явно недостаточно или, откровеннее сказать, совсем не разработана.**

Если прошлое и современное богословие продолжает настаивать на том, что «Ветхий Завет – не простое повествование о фактах прошлого, а Священное Писание, в котором запечатлилась история избранного народа Божия», ⁷ то сам **Христос утверждает обратное: «Писания... свидетельствуют обо Мне...»,⁸ Моисей писал обо Мне». Апостолы еще задолго до распятия Христа также знали, что «Моисей в законе и пророки писали о Христе». Исаия, один из больших пророков, писал и говорил о нём. «Но кто поверил слышанному от нас?» – с глубокой душевной горечью подводит итог словам Исаии **Христос. Ин 1:45; 5:39, 46; 12:38, 39, 41; Деян 3:22—26; Ис 53:1.****

По Христу получается, что слова о создании неба, зем-

⁷ Мень А. История религии. В поисках пути, истины и жизни: В 7 т. М., 1991. Т. 2. С. 74.

⁸ В дальнейшем я под словом «Писание» буду подразумевать весь список книг, составляющих ветхозаветный канон Синодальной Библии 1876 года издания. Чем это объясняется – станет ясно чуть позже.

ли, человека и всего прочего божественным волеизъявлением свидетельствуют о нём. Также библиографические сведения об иудейских патриархах – очередное свидетельство об учителе учителей? В описанных в Библии всемирном потопе или строительстве Вавилонской башни Христос, получается, главное действующее лицо? Но ведь для этого утверждения нет никаких оснований. Или есть?

Слова Христа воспринимаются откровенным безумием. Однако со скороспелыми выводами спешить не станем. Видимо, Христос знал, что говорил. А нам, как добропорядочным читателям Библии, не помешает крепко задуматься над загадочностью его утверждений.

Преобладающее большинство копателей «исторической книги», относясь к её текстам либо с нескрываемым субъективистским пристрастием, либо с ироничным недоверием, упорно игнорировало и продолжает игнорировать бесконечно повторяющиеся наставления её авторов, которые со знанием дела предлагают свои конкретные и вполне исполнимые правила в обращении с ней. В оценке Библии они требуют не простого её чтения, а «вникания в её учение и в его закон совершенный, заниматься изысканиями и исследованиями». Причём, они учат делать это, следуя определённым правилам, а не кому как вздумается.

Верующий мир ищет в Библии оправдания своим личным или общественным предубеждениям, равнодушно оставляя без внимания «очевидные вещи». Например, вспомним Пи-

лата, который на допросе Христа задал ему вопрос, состоящий из трёх коротеньких словечек: «Что есть истина?» *Ин 18:38,37. 1 Ин 3:19*. Обратим также внимание и на то, что Христос не удостоил сурового правителя своим мудрым ответом. Он промолчал! Вопрос исторической важности – почему? Не смог, не захотел или ещё по какой-либо другой причине он философского уровня вопрос оставил без ответа? Умные люди по этому поводу создают гипотезы субъективного характера, безосновательные предположения. И чем богаче фантазия человека, тем ярче и красочнее выглядят его попытки объяснить необъяснимое. Но, как станет далее очевидным, все они не отвечают библейским критериям истинности, которые крупным планом выступают на её затёртых людьми до дыр страницах.

Целью исследования «Священной Истории» и должен стать этот, как может показаться людям, ну, совсем малозначительный вопрос: «Бог хочет, чтобы люди познали истину и ею спаслись» *Ин 8:32. 1 Тим 2:2* —4.

Нас приучили к мысли, что библейское познание – это что-то мистическое, необъяснимое, находящееся в сфере возвышенно-экзальтированной чувственности, за пределами разумности. Призыв апостола Павла «познать Господа нашего Иисуса Христа», обращённый к его ученикам, мир понял схоластически, крайне примитивно, условно и абстрактно. Якобы познание выражается в усердном следо-

вании традиции, в дисциплинированном соблюдении конфессиональной обрядности и глубокой сердечности чувства без малейшего намёка на разумное решение проблемы. Разумеется, что это не так. Не о таком познании ведёт речь тот, к которому был обращён «голос с неба». Он утверждал, что того Бога, которого проповедовал он, надо иметь в разуме. *Рим 1:28.*

В чём же заключается суть библейской истины? По всей видимости, для таких людей, каким был И. Христос, а затем его известные и не известные нам апостолы, она имела большое значение, которое, не взирая на историческую её востребованность, или не востребованность, осталось неизменным до наших с тобой, любезный читатель, дней.

Некоторые люди навязали обществу мысль о том, что верующий обязан отказаться от всякого рода критических размышлений о своём вероисповедном кодексе чести. Научный скепсис в данном случае неприемлем. На такой позиции стоят, например, атеистически настроенные экзистенциалисты: «Христианство не является делом познания.... Вера не терпит доказательств. Она должна рассматривать его как своего врага. Вера – не умозаключение, а решение, исключаящее всякое сомнение.... Человечеству, помешавшемуся на идее разумного понимания (веры), следовало бы ежедневно, вставши ото сна, повторять слова Тертуллиана: „верю, потому что абсурдно“».⁹

⁹ Цит. по: Быховский Р. Э. Кьеркегор. М., 1972. С. 14—15.

Похожую позицию по отношению к библейским текстам разделяют многие современные светские аналитики Библии. Но только они говорят чуть иначе: Библия – сборник религиозной литературы, а значит, глупо искать в ней для учёного ума что-то ценное, какой-то там мудрости, о которой Павел пишет: «Тайную, сокровенную мудрость мы проповедуем между совершенными». И эта мудрость не имеет ничего общего с той, которую навязывали обществу «власти века сего преходящего». *1Кор 2:1—9*.

В чём заключалось совершенство мудрости, кто такие «власти века сего преходящего», почему эта мудрость оказалась тайной? – вопросы, которые возникают сами собой, как «очевидная вещь». Не по этой ли причине апостолы выдвигают людям единогласное требование исследовать их интеллектуальную конструкцию с её теоретическим основанием? И параллельно этому процессу заниматься исследованием самого себя? *1Тим 5:16*.

Малообразованному и, ко всему прочему, религиозно-фанатичному человеку не известны такие операциональные действия, как исследование и изыскание, анализ и синтез. Поэтому подобного рода требования создают серьёзный и содержательный образ их авторам. Требование исследования априори предполагает сомнение, снятие противоречий, примирение «враждующих сторон».

Предубеждения Кьеркегора создают благоприятную почву для роста и размножения псевдонаучных теорий, различ-

ных, противоречащих друг другу точек зрения относительно библейской концептуальной модели с её практическим предназначением для людей. Такая установка грубо и, что примечательно, бессмысленно противоречит всем тем, чья вера имела своё «твёрдое основание». Искусство общения с евангельскими «персонажами» авторы и исполнители дела описали в своих повестях и посланиях. Осталось только научиться и нам этому одному из самых прекрасных и достойных мыслящего человека искусств. Войти в содружество с Богом Библии – одна из самых почётных наград для ЧЕЛОВЕКА РАЗУМНОГО: «Вот, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною». *Отк 3:20. Ин 14:21. Лк 14:24.*

Со слов апостола Павла, «всё Писание богодухновенно...». Значит, «Бог» ничего общего с человеческой внешностью не имеет. Он – образование духовное. Из чего следует: общение с ним происходит на интеллектуальном уровне, что не мыслится без духовного слияния с ним, которое непременно должно подтвердиться практикой апостольской веры. Подчёркиваю, «апостольской веры», а не той, которая распространена во всём мире с её мистическо-абстрактной экзальтацией общественного и индивидуального сознания.

Что касается религиозной веры, то здесь, действительно, всякого рода свободные, независимые, философские (подчёркиваю, «философские», потому что не всякое словоблуд-

дие творческого, фантазийного характера следует называть философствованием) размышления и последующие за ними суждения могут быть излишни и для верующего человека, наверняка, станут предметом сильного разочарования. Но я, любезный читатель, предлагаю тебе не забаву на досуге дня, не утешение «твари дрожащей», не способ удовлетворения твоих беспочвенных и безосновательных надежд. Нет! **Я выношу на суд людям результат своего многолетнего беспристрастного исследования, располагающего своим методом познания.** Автор исследовал Библию без оглядки на авторитеты, на многоликих идолов пещеры и кумиров театра. Этот подход автоматически дистанцировал автора от религии и её постулатов веры. Этому закономерному процессу будут подвергнуты также и те исследователи, которые освободят свой разум от предубеждений о том, что авторы Библии заскоружлые религиозные фанатики, что эта книга есть сборник еврейских и неправдоподобных историй. Всё гораздо серьёзнее и ответственнее.

Поэтому здесь уместно ещё раз предупредить читателя, что эта книга для непререкаемо настроенных верующих в некотором смысле может быть неприятной. А большинству необученных правилам и законам мышления сложной для понимания.

Я умышленно избегаю модного в наше парадоксальное время выражения об оскорблении чувств верующих. Разве можно правдой оскорбить кого-либо? Ею можно толь-

ко осудить, обличить, уличить в умышленном или нечаянном заблуждении. Чем собственно и занимались все сотрудники «великого дела»: пророки, Иисус Христос, избранные им апостолы. Павел, например, говорит: «...Наступят времена тяжкие: люди будут учиться истине, но никогда не дойдут до её познания. Люди, развращённые умом, невежды в вере противятся истине... Обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь... Согрешающих (заблуждающихся. — *Авт.*) обличай строго, дабы они были здравы в вере... Непокорным пустословам и обманщикам заграждай уста... Всё Писание полезно для обличения...» *послания к Тим и Тит.*

Поэтому людям, которые равнодушны к любой истине, читателю, толкающему впереди себя корзину, нагружённую всяким хламом, сознанию, которое в многообразии информации ищет исключительно аргументы, оправдывающие его субъективное мнение, советую пройти мимо этой книги, дабы вдруг не оскорбиться и, упаси Господи, не навредить своим драгоценным чувствам.

Итогами своего исследования я никого не собиралась обидеть. Не я писала Библию и не я искажала её содержание. Моя вина лишь в том, что я более, чем многие другие по совету апостола Павла терпеливо «вникала в учение и в себя, занимаясь этим постоянно», на протяжении многих лет своей сознательной жизни.

Я солидарна со всеми исполнителями воли того, который

по предписанной ему роли, монополизировал всю власть над предметом нашего внимания: **Библия – вещь, достойная самого серьёзного в современном понимании исторического, научного, философского исследования.** Только, вооружившись наукой о мышлении, её законами, которые уже были известны классической Греции (Библия – интеллектуальный продукт античности!), можно найти правильное решение тем многим её проблемам, нескончаемой чередой встающим перед исследователем. Религиозное чувство, сильные аффекты, диванные мнения с их будничным смыслом, которые «скользят по поверхности вещей, не проникая в их суть» и удовлетворяют духовные потребности непритязательного обывателя с его неистребимой верой в чудо, несовместимы с тем исследованием, к которому склоняют читателей авторы книг канонической Библии.

Важнейшей задачей данного исследования является одно – раскрыть Библию как письменный документ, где под покровом религиозной иносказательности, под тонким флёром её традиционной обыденности скрывается логически последовательная и фактически обоснованная система философского размышления. Она располагает конкретно поставленной целью и задачами, которые могут разрешаться для каждого человека в отдельности, независимо от того, в какое время он жил и живёт. Исключительно благодаря его беспристрастной, независимой субъектив-

ной деятельности. Система по своему складу и содержанию мысли целостная, диалектически- и духовно-рационалистичная. Знание Библии с этой стороны открывает нам совершенно неведомый мир с его действительными, непохожими на прежние, мистического характера, духовными ценностями.

Как известно, любая упорядоченная система знаний (далее станет понятным, что Библия одна из таких систем) чаще всего имеет собственный механизм познания, который в науке называется методом или способом исследования. Именно он и в нашем деле должен оправдать любое из рассуждений библейского автора. О методе древнегреческий мыслитель Гераклит Эфесский говорил следующее: **«Многознание не научает мудрости. Мудрость – в знании оснований и причин. В особенности логических оснований принимаемых положений. Без способности обосновывать имеющиеся убеждения, нет твердого и подлинного знания»**¹⁰

Заметим, что сей учёный муж был современником творцам того произведения, которое они называли своим «великим делом» *Левит 26:14-конец. 1Цар 3:11. 4Цар 21:12. Аввакум 1:5. Деян 13:41. Рим 9:28. Исаия 10:22,23.*

Методом данного исследования является логико-диалектический метод. Теоретико-методологиче-

¹⁰ Цит. по: Ивин А. А. Искусство правильно мыслить. М., 1990. С. 5. Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. С. 176.

ская позиция позволит приблизиться к целостному (интегральному) пониманию логики первоначального библейского мировоззрения, его (не побоюсь этих для читателя преждевременных слов) по форме и содержанию философского языка, когда философия рассматривается как наука о мышлении, а не как филодоксия, которая выражается в необоснованных высказываниях, основываясь на мнениях субъективного характера. «Философия задаётся вопросом «что есть истина», и предлагает свои способы поиска верного ответа.¹¹

Именно этот метод исследования разворачивает Библию лицом к человеку, которая в исключительной степени является объектом философии, эвристические свойства которой были разработаны в Древней Греции. Она, в свою очередь, была прилежным учеником других восточных культур. В конце концов, не могла же она развиваться на пустом месте. Историки античной философии, например, пишут, что Фалес, родоначальник этого феномена, долго и прилежно учился у философов и учёных древней Финикии.

Такие проявления интеллекта как разумность, рассудительность, мудрость, мышление, ставятся во главу угла всей Библии. Если христианская церковь выставила сотруddников «великого дела» в образе бездарно наивных проповедников, то логико-диалектический метод опровергает это устоявшее-

¹¹ Маркс К. Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 1. С. 279.

еся, веками укоренившееся мнение. Апостол Павел часто обращается к своим ученикам, как к рассудительным, адекватным людям со здравым рассудком. Он утверждал, что их «Бога надо иметь в разуме». Заметим, не в чувствах, а в разуме. Это далеко не одно и то же.

Данная работа во многих смыслах является примером подхода к по-прежнему таинственной, в смысле непознанной книге. Авторское исследование проводилось на основе самой Библии, подобно тому, как природа исследуется на основе самой себя. Необходимость такого рода работы обусловлена бурным развитием разного рода околonaучных и мифотворческих спекуляций вокруг библейских текстов, исторически наблюдаемой предприимчивостью некоторой категории людей подчинить последние конъюнктурным интересам современного «научного креационизма».

Автор проявил неравнодушие к необоснованной и неоправданной тотальной реставрации религиозного мышления в светском российском обществе. С ним произошло по известному выражению одного из библейских «персонажей»: «Раздражу вас не народом Моим, раздражу вас народом бессмысленным». Иными словами, «Мой народ» – «народ рассуждающий», которому отвратительны «бабьи басни людей, повреждённых в уме».

Эта монография является попыткой реализации мировоззренческих и методологических принципов в объяснении философских исканий серьёзных мыслителей Древнего Во-

стока. Эта во многих определениях сложная работа предполагает «умственное самоотвержение, составляющее условие для беспристрастия, что означает забыть о себе самом, так сказать абстрагировать себя и на некоторое время слиться с великими мыслителями, идеи которых излагаешь. Нужно проделать всю их работу, интересуясь ею настолько же, насколько интересуешься своей собственной, и проникнуть в их идеи ещё глубже, если это возможно, чем проникали они сами»¹² В этом случае невозможно обойтись без исторического метода, который включает в себя две цели: понимание и оценку. В свою очередь, эти цели не могут считаться достигнутыми без теоретической основы того мировоззрения, которое развивали философы Древнего Востока (VII—V вв. до н.э.).

Несмотря ни на что свой труд автор предлагает всем людям: и тем, которые способны рефлексировать, т.е. мыслить критически и продуктивно; и тем, которых всего лишь на обывательском уровне волнуют вопросы взаимоотношения религии, науки, философии и атеизма. По-моему, она должна быть не просто интересной, но и полезной многим моим современникам, да и всем равнодушным людям, которые будут жить после меня.

Но затруднения в том, что у критически мыслящего человека с веками выработалось сильное неприятие всего того, что на слух воспринимается неестественным, иррацио-

¹² Фулье. А. История философии. М. 1803. С. 6.

нальным, волшеббно-сказочным, которое другие люди стремятся выдать за истинную правду. По собственному опыту знаю, что по достижении совершенства в познании ключевых библейских имён чувство неприятия того, что «создал Бог», исчезает навсегда. Именно этой особенностью рационально мыслящих людей объясняются слова евангелиста: «Пришёл к своим, и свои Его не приняли...» *Ин 1:11. Ефес 2:19. 2 Тим 2:19*. Они его просто не узнали по причине всё той же дурно пахнущей для этой категории людей вербальности учения, его формы. Они поверили внешности и не увидели того, что находится позади неё. Но, как всем известно, внешность бывает обманчивой. Другими словами, эта категория людей попала в ту же самую сеть, что и весь религиозный мир, но только с тем отличием, что она отказалась вкушать ядовитую для мыслящего разума сикеру буквы. И отнесла предмет мирового значения к низовой, массово культурной литературе, а значит, недостойной серьёзного внимания беспристрастного учёного. Иными словами, культурно отмежевалась от него.

Понимая эту мировоззренческую установку, я призываю «своих людей» не покоряться ложному чувству ассоциативного образа, набравшись терпения и снисходительности, отстраниться от своего предвзятого мнения о Библии – «книге, запечатанной семью печатями», снять которые могут только те, кто наделён способностью **мыслить теоретически**: **«Мышление – строгие, детерминированные, операци-**

ональные процедуры с понятиями... Мыслителем становится только тот, кто овладел алгоритмами мыслительной обработки понимания объекта».

Вооружившись бесконечным терпением, сильной верой в здравомыслие и адекватность авторов Библии, чутким отношением к их многочисленным требованиям «вникать и исследовать», методично станем преодолевать препятствия, создаваемые религиозным, бездуховным, мёртвым звучанием буквы учения, его «Моисеевым покрывалом»: «Кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое. Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнём у вас телесное (религиозно-материальное. — *Авт.*)». Значит, «ожидаемое есть духовное». К значению этого словосочетания будет приковано наше честное, независимое, свободное от любых догматических ограничений исследовательское внимание. *2Тим 3:16. 2Кор 3:17. Евр 4:2. 2Пет 1:19,20. Лк 24:25—27. Евр 11:6, 1. 1Кор 9:10,11.*

Урок первый. «Чужестранный язык» Библии – причина её необычайной загадочности

Подлинная задача философии заключается в том, чтобы проникнуть за границу внешней ясности обыденной речи.

А. Н. Уайтхед

Учение о воскрешении мертвых, зафиксированное в Библии, воплощалось в жизнь Христом и его учениками не только через проповедь, устно, но и путем некоторых практических действий, в которых просматривается своеобразный для истории Библии методологический подход.

Слово истины излагалось на своём специфическом языке, которым, кстати, располагает любая область научного знания. Поэтому библейский словарь – это не просто набор слов с их культово-мистическим значением, а список терминов – слов со специфическим для учения содержанием. А мы знаем, что терминологический вопрос во всех областях знания чрезвычайно важен. Точные формулировки терминов и понятий учения являются объективным выражением содержания его основной идеи. Ошибки в терминах, а в нашем деле еще и их целенаправленное искажение, как увидим далее, изуродовали всю концептуальную модель древних мыслите-

лей о воскрешении мёртвых или о творении неба и земли.

Библейский язык – язык искусственный и создан для решения определённых философско-мировоззренческих задач. Как знаковая система он имеет свои специфические особенности, определяемые идеей учения, его целями, задачами и собственным методом исследования.

В отношении к общепринятой языковой системе (мета-язык) библейский язык будет называться языком-объектом. Но беда в том, что почти всегда возникают затруднения, так как наблюдается несовпадение значений между этими двумя языками. Этим несовпадением значений пророки решили одну из важнейших задач своего «великого дела»: внесли в мир грех – дали миру дух усыпления: глаза, которые не видят, и уши, которые не слышат библейской мудрости, ставшей основанием концептуальной модели, её краеугольным камнем. Несовпадение значений метаязыка и языка-объекта, как увидим далее, является оправданием слов Христа о «ловцах человеков» *Мф 4:19. Мк 1:17.*

Иным словом, ответ на вопрос «что есть истина» преподан миру в форме, замысловатость которой объясняется её искусственным или непонятным языком.

Расшифровку библейского языка можно сравнить с расшифровкой месопотамских, древнеегипетских табличек, исписанных иероглифами и клинописью. Это целая наука

со сложнейшими проблемами определения словаря и грамматики. Здесь необходимы специальные филологические знания.

Но если в расшифровке пиктографических и других графических языков исчезнувших культур большую роль играет интуиция и сообразительность учёного, то искусство распознавания библейского языка облегчается предусмотрительностью его авторов. Они будущим исследователям их «великого дела» предложили необходимые приёмы, методы и способы расшифровки языка их учения об истине творения. На расшифровку древних языков учёные тратят многие годы упорного труда. Благодаря их героическим усилиям совершаются великие открытия. Например, углубляясь в родословную вавилонской письменности, учёные открыли самую древнюю культуру мира – шумерскую, из которой впоследствии развилась, как утверждает учёный мир, цивилизация Запада.

Подобным образом, вникая в библейский «чужестранный или незнакомый, или иной, или человеческий язык», мы обнаруживаем нечто не предполагаемое, которое решительным образом разрушает исторически сложившуюся традицию расценивать Библию всего лишь как сборник религиозной литературы, созданный безграмотными в вопросах знания и просвещения народами Древнего Востока. Это нечто евангелист устами Христа называет святыней, которую надо оберегать от недостойных её людей. Надёжным средством

для этого сбережения оказался способ изложения основной идеи учения, его язык, как средство общения с этой недостойной категорией людей. Мф 7:6.

Философия выработала твердое правило: поспешность в получении общего вывода о каком-нибудь мыслителе и о достигнутых им знаниях исходит прежде всего из неверного толкования термина, которым оперирует тот или иной автор, особенно древний. Чтобы избежать ошибки и «не навести тень на плетень», необходимо изучить значение терминов в контексте авторского сочинения. А. Ф. Лосев данную ипостась оценки философа и его философской школы называл «постоянным методическим правилом». Он писал, что «для нашего собственного философского развития необходимо изучать точную терминологию главнейших философских систем прошлого...». Если ты работаешь как подчиненный, все время помни, что ты служишь не своему начальнику, а общечеловеческой свободе; и в таком случае ты уже не сможешь быть ни подхалимом, ни льстецом...».¹³

Данное методическое правило в полной мере применимо и к библейской Вселенной с её неограниченностью для творческой деятельности человеческого критически мыслящего разума. Вопрос, оставленный Христом без ответа («что есть истина?»), находится исключительно в компетенции философии – интеллектуально-теоретическом, критико-рефлексивном, логико-рационалистическом способе по-

¹³ Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М., 1990. С. 32—40.

нимания окружающего нас вещественного и духовного мира, предметом которого является и наша Библия.

По-поводу библейской терминологической системы следует внести важные коррективы. Известно, что термин обладает своим конкретным и специфическим значением в той области знания, в которой он живёт. Любая наука вырабатывает свой язык, свою систему обмена информацией. Библейские ключевые слова также наделены своим конкретным значением. Но, в отличие от других терминологических систем, библейский словарный список на всём текстовом протяжении, как увидим далее, часто имеет одно значение! Такие слова, как милость, жертва, совершенство, дух истины, ангел Божий и многие другие по своему значению тождественны. Но эти слова, как и десятки других, являются постоянными единицами библейского языка, ими излагается основной вопрос учения. Поэтому, я считаю, этот словарный список с некоторыми погрешностями имеет право называться библейской терминологией, которой нет места ни в какой другой области знания.

Христианская проблема учения о видении Бога, как неопровержимо доказала история Библии, остаётся нераскрытой и по сей день. И с этим утверждением никто не станет спорить. Для людей, занимающихся вопросами Библии, проблема учения оказалась либо незамеченной, либо непонятой в силу кажущейся наивности исследуемого объекта, либо нарочито игнорируемой, замалчиваемой. Эту проблему

можно сравнить с «больными зубами, которые надо дёргать с корнем». В мировой истории Библии итогом нерешённости этой проблемы явилось исполнение пророчества о «духе усыпления», который должен был дать миру «слепые глаза и глухие уши» *Исаия 6:9—11; 29:9—14; Мк 4:12*. Таким образом, оставшись нераскрытой, эта проблема привела общество к «духовному абсцессу» – распространению на планете ложного мировоззрения с присущей ему издревле агрессивной природой. «Ухватить трудность на глубине, – писал Л. Витгенштейн, – вот что сложно. Если схватить её близко к поверхности, она остается той же, что и была. Её нужно вырвать с корнем; это значит, что надо думать об этих вещах по-новому. Подобный переход столь же радикален, как, например, переход алхимического способа мышления к химическому. Установление нового способа мышления и есть основная трудность».¹⁴

Искусство и наука библейского мышления, как увидим далее, заключается в образности её языка. Научиться мыслить образами, вкладывая в них конкретное значение, – наиглавнейшая задача не только серьёзного и вдумчивого исследователя, но и простого читателя этой книги. Иначе катастрофа – прямой путь в область религиозных заблуждений, что, в свою очередь, предполагает помрачение в уме.

Основоположник логики Аристотель вывел закон непротиворечивости: «...иметь не одно значение – это значит

¹⁴ Цит. по: Ивин А. А. Искусство правильно мыслить. М., 1990. С. 179.

не иметь ни одного значения... Если же у слова нет определенного значения, тогда утрачена всякая возможность рассуждать друг с другом, а в действительности и с самим собой».¹⁵ «Исследовать многозначность полезно для ясности (ибо то, что утверждают, знают лучше, когда выявляют многозначность слов) и для построения умозаключений, касающихся самого предмета, а не его названия. Ибо если неизвестно, в скольких значениях говорится о чём-то, то, возможно, что тот, кто отвечает, и тот, кто спрашивает, имеют в виду не одно и то же... Но выявление многозначности полезно и для того, чтобы не дать себя ввести в заблуждение и чтобы ввести в заблуждение [собеседника] ... Нахождение различий полезно для... познания сути каждой [вещи]»¹⁶ Поэтому я всегда диалог со своим слушателем начинаю с обязательного вопроса: как он понимает имя «Бог», какое значение он в него вкладывает? Ответ на этот вопрос определяет вектор и содержание нашего дальнейшего общения.

Д. Гершель писал: «Нельзя внести точность в рассуждения, если она сначала не введена в определения».¹⁷ «Дойти до слова значит дойти до смысла», – писал А. Ф. Лосев.¹⁸

Бертран Рассел не прошел мимо того, что «изменения

¹⁵ Цит. по: Брюшинкин В. Н. Практический курс логики. М., 1996. С. 165.

¹⁶ Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 370.

¹⁷ Цит. по: Ивин А. А. Искусство мыслить. М., 1986. С. 148.

¹⁸ Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М. 1990. С. 33.

в значениях слов иногда очень поучительны». Например, слово «теория» в бытность Пифагора истолковывалось как «страстное и сочувственное созерцание». Сам же Пифагор понимал это выражение как «интеллектуальное созерцание, к которому мы прибегаем в математическом познании». «Таким образом, – продолжает Рассел, – благодаря пифагореизму слово «теория» постепенно приобрело свое теперешнее значение, но для всех тех, кто был вдохновлен Пифагором, оно сохранило в себе элемент экстатического откровения». Также выражение Пифагора, что «все вещи суть числа», надо постараться понять в духе его собственной системы образов. Иначе мы будем судить о нем и его теории превратно. Если это положение, – продолжает Рассел, – истолковать в современном духе, то в логическом отношении оно кажется бессмыслицей... Пифагор, очевидно, полагал, что мир состоит из атомов, что тела построены из молекул, упорядоченных в различные формы. Таким образом, он надеялся сделать арифметику научной основой в физике, так же, как и в эстетике».¹⁹

Профессор Ф. Ф. Зелинский, знаток античной литературы, писал: «Слово «гений» у древних римлян – индивидуальное божество. Слово это нам знакомо и привычно: но именно поэтому оно может легко дать повод к недоразумениям. Следует помнить, что римский гений – нечто своеобразное, не встречающееся в других религиях и поэтому

¹⁹ Цит. по: Ивин А. А. Искусство мыслить. М., 1986. С. 148.

не поддающееся объяснению посредством аналогичных явлений у других народов... Римская религия признавала гениев как представителей или показателей волевого начала в отдельных индивидуумах...». ²⁰

Николай Бердяев в своей книге «Новое средневековье», рассматривая проблемы смены исторических эпох, замечает, что «все привычные категории мысли и формы жизни самых „передовых“, „прогрессивных“, даже революционных людей XIX и XX вв. безнадежно устарели и потеряли всякое значение для настоящего и, особенно, для будущего... Скоро неловко, невозможно уже будет употреблять слова, применяя к ним старые квалификации... Условимся в употреблении слов, чтобы избежать совершенно лишних и праздных споров о словах». ²¹ Н. Бердяев развил мысль о том, что значение слова – такое же непостоянное явление, как и та эпоха, в которой оно живёт. Изменение значения слова есть следствие изменения характера исторической эпохи, которая наполняла своим смыслом живущее в ней слово.

В приложении к «Диалектической логике» И. В. Ильенков писал: «Если речь идёт не о словах, а о категориях диалектики, с этими словами связанных, то любая вольность, нечёткость или неустойчивость в их определениях (а тем более неправильность) обязательно поведут к искажённому пониманию существа дела. По этой причине необходимо очи-

²⁰ Зелинский Ф. Ф. Соперники христианства. М., 1986. С. 23.

²¹ http://www.krotov.org/berdyaev/1924_new.html/

ститъ категории абстрактного и конкретного отъ всехъ наслоений, которые по традиции, по привычке или просто по недоразумению тянутся за ними черезъ века... часто мешая правильному пониманию положений диалектической логики». ²²

«Однозначность – это условие общения между поколениями исследователей на любомъ разстоянии. Она гарантируетъ точность перевода и чистоту традиции». ²³

Все эти выводы великихъ мыслителей во всей своей полноте применимы и къ нашей Библии. Почему за всю историю этой книги въ мире накопилось такое множество точекъ зрѣния о ней? И процессу этого накопления не видать конца. И что самое примечательное, такъ это то, что ни одна изъ нихъ не отражаетъ всей полноты содержания учения, т.е. нашей Библии, не снято ни одно еѣ противоречие. Причина одна – люди не знаютъ еѣ искусственнаго языка, его однозначности. Павелъ по этому поводу пишетъ: «Но если я не разумею значенія словъ, то я для говорящаго чужестранецъ и говорящій для меня чужестранецъ» *1 Кор 14:11*. Безъ знанія языка Библии она и весь миръ другъ для друга – чужестранцы, общающіеся между собой каждый на своемъ языкѣ, съ низенькой платформы пристрастной субъективности.

Очевидно, что логическое мышленіе, будучи мышленіемъ упорядоченнымъ, доказательнымъ, требуетъ конкретности

²² Ильенковъ И. Диалектика абстрактнаго и конкретнаго въ научно-теоретическомъ мышленіи. М., 1997. С. 37.

²³ Пушкинъ В. Г. Философія Гегеля. Абсолютное въ человѣкѣ. СПб., 2000. С. 122.

и в определении библейских имён «Христос», «Господь», «Бог Отец»... Тем более что даже без углублённого рассмотрения этих имён можно с большой долей вероятности допустить, что они в использовании на страницах Библии имеют иное значение, отличающееся от общепринятого во всём верующем мире.

Так в чём же дело? Не с конкретизации ли имён начинается узкий путь исследования «вечной книги»? Уверена, что именно их конкретизация, разграничение авторской и традиционной их трактовки разрешит одну из «малых» проблем, которая, разумеется, должна вплотную приблизить нас к объяснению ключевой проблемы учения: что есть истина о воскрешении, о творении, о Создателе и его Сыне, об аде и рае и о многом другом. Начало этого процесса лежит в плоскости интерпретации «чужестранного языка» собственным для Библии методом.

Если Рассел через действительное, присущее эпохе Пифагора толкование слова «теорема» усмотрел другой смысл некоторых положений его теории, то почему подобное не может случиться и с Библией? Вникнуть в первоначальное значение слова, которым оперирует тот или иной древний автор, для учёного с холодным рассудком – необходимое условие для занятий исследованием. Он, берясь за это трудное дело, вначале может и не подозревать о своей ответственности перед историей, перед теми людьми, чей труд он хочет расшифровать.

Язык Библии один и един по значению для всех её текстов, как для Ветхого, так и для Нового Заветов, её первой и второй части. Этим языком также написаны многие из апокрифов, что располагает сравнительно легко определить их отношение к истинному иудео-христианскому учению. Этот язык обеспечивает ему предполагаемую нераздельность, последовательность в рассуждениях, системный характер полученного знания. Иными словами, процесс дешифровки обретает целенаправленный и непременно результативный характер.

Часто употребляемой формой евангельского языка является притча – иносказательный рассказ с нравоучением. По мнению многих исследователей Библии, притча использовалась евангелистами в качестве облегчающего способа понимания труднообъяснимой мысли.²⁴ О. А. Мень так и писал: «Иисус любил примеры из повседневной жизни – притчи. В них наиболее полно запечатлевалось его учение. Притчи, – продолжает А. Мень, – Иисус сделал основным способом выражения своих мыслей... Рисуя перед людьми знакомые картины природы и быта, Христос нередко предоставлял самим слушателям делать выводы из его рассказов....». ²⁵ Вот-вот, о чём и речь: учёный этот язык поймёт по-своему, а кухарка иначе, а хитрый проповедник как-то по-другому. Такой притчей легко манипулировать легковерным обще-

²⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. 1953. С. 549.

²⁵ Мень А. История религии: В 7 т. М., 1991. Т. 7. С. 60.

ственным сознанием в целях достижения личных, или корпоративных, и, как водится, не всегда благородных целей.

В «науке принято мнение, согласно которому среди притч, восходящих к Иисусу из Назарета, нет ни аллегорий, ни притч, предполагающих аллегорическое толкование».²⁶

Эти выводы о библейской притче имеют давнюю историю. Немецкий философ Давид Штраус не допускает мысли о функциональном характере библейской притчи. Он не скрывает своей иронии по поводу авторского пояснения, что «притча есть форма сокрытия от народа тайны о Царствии Небесном». И объясняет такое рассуждение «какой-то ипохондрической установкой евангелиста». Он подчеркивает поэтический характер притчи, которая «должна была привлечь народ картинностью речи и поощрить силу разума и мышления в наиболее восприимчивых слушателях...».

Со слов Д. Штрауса, «притчи у Иоанна размещены неуклюже, и это показывает то, что Иоанн не умел обращаться с подобным материалом. Привыкнув целиком создавать из самого себя речи Иисуса, он не умел сочетать подлинных традиций, переданных ему речей Иисуса со своеобразными продуктами собственной мысли... Его притчи о добром пастыре и винограду – только аллегории, а не притчи, так как в них отсутствует историческое развитие фабулы».²⁷

²⁶ Канонические Евангелия. Под ред. Лёзова С. В. и Тищенко С. В. М., 1993. С. 64.

²⁷ Штраус Д. Жизнь Иисуса. М., 1992. С. 214.

Понятно, данная оценка притчи объясняется той теорией, которая Христу как личности и как идеологу новой религии отписала последнее место в истории. Иными словами, его деятельность и новая вера – духовный продукт массовой культуры, которая в своём большинстве случаев оперирует иррациональными представлениями о мире. Поэтому Д. Штраус не посмел довериться автографу Евангелий. Однозначно, что этот философ, как и многие другие, подобные ему критики Библии, не «вникал в учение, не занимался этим постоянно». Для него оказалась достаточной евангельская вербальность, т. е. обыденное, бытовое, традиционно-религиозное значение её слова.

Притчеобразную особенность речи Христа не забыли отметить все авторы канонических Евангелий. У Матфея Христос ясно даёт понять, что притча есть форма иносказания. Авторы Евангелий, подводя итог притчам Христа, писали, что «Христос без притчи народу ничего не говорил» и что свои притчи он изъяснял не всем, а только ограниченному кругу людей. В Евангелии от Луки Христос даёт своим ученикам разумное поучение: «Наблюдайте, как вы слушаете. Ибо от этого зависит то, что будете иметь», т.е. знать. Евангелист устами Христа намекает на то, что его притчу надо понимать каким-то особенным образом в её единственно верном значении. *Мф 13:2,3,10—15,34,35; Мк 4:33,34;15:15,16; 4:11—13; Лк 8:10.*

В Евангелии от Матфея (17:1—9) описана сцена преоб-

ражения Христа. Свидетелями этого события были почему-то только три его ученика – Пётр, Иаков, Иоанн. Преображённого Христа голос, говорящий из облака, назвал «Сыном Моим возлюбленным». Обращаю самое серьёзное внимание на то, что Сыном был назван не человек Иисус Христос, а «преображённый Христос», внешность которого евангелист сравнивает с солнечным светом необычайной, слепящей, но не ослепляющей яркости. На будущее запомним это наблюдение. Не в объяснении ли тайного значения притчи таится объяснение этого «сверхъестественного явления»? Если так, то и сверхъестественности здесь не может быть. Необходимо просто знать конкретное содержание притчи. В таком случае, с чего начинается это знание или путь к нему? Понятно, что со значения искусственного языка.

И далее он поясняет: «Доселе, Я говорил вам притчами, но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возвещу вам об Отце» *Ин 16:24, 25*. Ученики думали, что учитель уже «сказал им прямо всё». Но Христос лишь посмеялся, проронив: «Теперь веруете?» *Ин 16:31*. Он знал, что ещё ничего им прямо не сказал, и они, по-прежнему, ничего не знают и, по-прежнему, слепы и глухи к его словам и притчам. Евангельским доказательством этому будет их разумение Писаний уже после смерти и вознесения Христа на небо, им же предсказанное.

У Христа притча многофункциональна: она – способ со-

крытия истины не только от широкой языческой публики, но и от «властей века сего». Притчей языческому миру «Бог дал дух усыпления, глаза, которыми не видят, и уши, которыми не слышат (той истины, о которой приходил свидетельствовать Иисус Христос. — *Авт.*) даже до сего дня». Притчей авторы и исполнители «великого дела» ввели весь мир в грех, притчей «Писание всех заключило под грехом» *Рим 11:32; Гал 3:22; Ис 29:10; Втор 29:4.*

Законное и обоснованное «место в жизни» библейской притче, как увидим далее, человек Иисус Христос за столбит собственной жертвой, доказательнее которой ничего быть не может. Если бы не это удостоверение притчи, не было бы ни Христа с его проповеднической деятельностью, ни его распятия, ни Нового Завета. Не было бы и христианского учения в том виде, в каком оно известно истории. Да и сама история, вероятнее всего, была бы окрашена в другие тона.

В основании всех проблем и задач учения лежит ПРИТЧА, или иносказательно-аллегорический язык учения с его конкретным значением, которое до определённого момента находится в большой тайне от читателя, т.е. этот язык для людей до некоторых пор остаётся загадкой. Поэтому нерасшифрованная притча – плодородная почва для размножения заблуждений в интерпретации библейских текстов.

Соломон в своих притчах пишет: «Слава Божия – обле-

кать тайною дело, а слава царей – исследовать дело» *Притч Солом 25.2*. «Екклесиаст был мудр, он еще учил народ знанию (открывал и объяснял притчу. – *Авт.*). Он всё испытывал, исследовал, и составил много притч. Старался Екклесиаст приискивать изящные изречения, и слова истины написаны им верно... Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди, и составители их – от единого пастыря» *Еккл 12:9—11*. Благодаря притчам Христос для мира стал головокружительной тайной, тем лабиринтом, из которого, как кажется, нет выхода. Но это только кажется. Выход есть!

Притчей были не только слова, но и дела Учителя. Вспомним сцену, когда он омывал ноги своим ученикам. Они смущались и сопротивлялись ему. На что последовал ответ: «Вы чисты, осталось умыть только ноги ваши, и если не умою, то не будете иметь части со мною» *Ин 13:5—11*. Эта притча означает то же, что и слова: «Доселе я говорил вам притчами, но наступает время, когда прямо возвещу вам об Отце», т. е. Утешитель – дух истины откроет вам истинное и единственно верное значение моих притч. Отец, которого вы увидите или познаете, откроет вам глаза к уразумению учения обо мне.

Притчу как пророки, так и их апостолы трактуют в более широком смысле, чем это принято в библейской критике. Притча в контексте учения – элемент иносказательной речи, которая включает в себя различные формы иноречия: метафору и аллегорию, часто выступающие в качестве сим-

вола и образа, сохранившие свою функции и до наших дней.

Как повелось издревле, мир понимает притчу буквально. Например, притчу о преломлении хлеба, когда Христос пятью хлебами и двумя рыбами накормил пять тысяч человек, хождение Христа по воде, спасение тонущего Петра и многие другие. *Мф 14:18—36*.

Если бы всё дело было в буквалистском, чисто механическом значении притчи, то незачем было бы Христу и его апостолам рекомендовать исследовать их писательские труды. Читай, запоминай, да и понимай, как тебе заблагорассудится. А если ещё вспомнить признак веры: «Верующий в меня, говорит Христос, сотворит мои дела и даже больше них сотворит», тогда это самое преломление, хождение по воде и многое другое должен повторить любой и каждый человек, осмелившийся причислять себя к клану верующих. А мы видим, что таким верующим до какого-то момента не был даже Пётр, которого учил не какой-то там рядовой иудейский первосвященник, а сам Христос.

Любая библейская притча обладает своим специфическим для учения значением, которое для исполнения заповедей Христа нужно просто знать так, как мы знаем, что дважды два будет четыре, а не восемь и не двадцать. Хотя есть такие «умельцы», которые могут не понимающему ничего в математике человеку «доказать», что дважды два будет не четыре, а что-то совсем другое. Но это уже из области поздней софистики. Апостолы такого рода толкователей искусствен-

ного языка осуждали, называя их мечтателями, подающими повод к духовному распутству, т.е. к словоблудию: «Они злословят то, чего не знают... Это – безводные облака, носимые ветром, осенние деревья..., звёзды блуждающие, которым положен мрак тьмы на века..., уста их произносят надутые слова; они лицеприятны для корысти... Это – люди, отделяющие себя (от единства веры), душевные, не имеющие духа» *Иуд гл. 1. 1 Кор 2:14*. Единство веры, замечаем, в единстве душевного и духовного. А кто нам объяснит, что это такое?

О «языке» учения написано, что «он – огонь, прикраса неправды; укротить никто из людей его не может: это неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда.... Им благословляем и им проклинаем Бога: «не должно, братья мои, сему так быть» *Иак 3:5—10*.

Людей приучили думать, что здесь речь идёт о языке, как об органе и средстве межличностного общения. Нет, это печальное заблуждение. Апостол характеризует притчеобразный язык учения, фривольность, творческую разнузданность которого, как показала история, никто из людей укротить не может. Вразумительные, научно и философски обоснованные доказательства его несостоятельности оказываются бессильными.

Существует ли та уздечка, которая способна обуздать неуправляемость искусственного языка библейской концепции истины? Существует ли метод для укрощения его строптивости? Разумеется, что существует. Для этого в Библии

представлены простые и доступные всем людям приёмы, способы и специфический для Библии метод различения значений «душевного» и «духовного».

Урок второй. Метод преобразования «священной истории» в систему логико- рационалистических воззрений

*Смотри на действие Божее: ибо кто может
выпрямить то, что он сделал кривым?
Еккл 7:13.*

*Лопата его в руке его, и он очистит гумно своё
и соберёт пшеницу в житницу свою, а солому
сожжёт огнём неугасимым.
Лк 3:17.*

Истолкование чрезвычайно сложных и до абсурда противоречивых библейских текстов, приведение их в логически оформленный порядок — одна из наиболее трудных философско-исторических и гносеологических проблем. Уже в первые десятилетия развития христианства выдвигались предположения аллегорического толкования Библии, индизампликации её языка (Филон Александрийский, например). Но по многим причинам, не зависящим от авторов таких предположений, эта идея не получила должного разви-

тия. Они всегда были исключительно интуитивной природы. Система доказательств иносказательности библейских текстов, их аргументация так и осталась для мира тайной за семью печатями.

Метод, который не просто открывает вход в «Святое Святых», но и преобразует библейское учение в стройную, логически и фактически обоснованную систему философско-мировоззренческих воззрений, пророки называют по-разному, в том числе, и «ключом Давидовым». Христос называет его «камнем, на основании которого он создаст свою Церковь, которую не одолеют врата ада». У Христа «церковь» есть синоним «Царствия Небесного», к которому он имел ключ разума. Понятно, что под «церковью», согласно понятию о скинии (*Евр 9:2—12*), он подразумевал определенного типа системное знание, а под «ключом» – метод, правило, или приемы его дешифровки.

Христос владел методом истолкования символично-аллегорического языка учения о какой-то истине, понятной узкому кругу его людей! Он его знал, и это знание впоследствии посредством определённой методологии передал своим ученикам. Ему была известна структура учения, значение его ствольных терминов, наполняющих язык учения конкретным содержанием, которое евангелисты, а вслед за ними и авторы посланий называли «жизнью вечной». А мы называем объективным знанием, которое достигается экспериментом, в нашем случае, очевидным фактом, и логическими

рассуждениями.

Современная наука метод характеризует как путь исследования, способ построения и обоснования знания, совокупность приемов и операций практического и теоретического освоения действительности. Метод (от греч. *methodos* – путь, ведущий к цели) является необходимым «гносеологическим инструментом» научного познания. Его основная функция – организация и логическое регулирование познавательного процесса, обеспечение истинности и объективности наших знаний. В этом своём логико-регулятивном качестве метод представляет собой совокупность определённых логических правил, принципов, норм и требований, предъявляемых к познавательной деятельности в той или иной отрасли научного знания.

Характеризуя универсальную познавательную мощь метода, Гегель писал: «Метод возник... как само себя знающее понятие, имеющее своим предметом себя как столь же субъективное, сколь и объективное абсолютное и, стало быть, как полное соответствие между понятием и его реальностью, как существование, которое есть само понятие... Метод должен быть, поэтому признан неограниченно всеобщим, внутренним и внешним способом и совершенно бесконечной силой, которой никакой объект, поскольку он представлен как внешний объект, отдаленный от разума и независимый от него, не может оказывать сопротивления, не может иметь другой природы по отношению к методу и не быть проник-

нут им. Метод есть, поэтому душа, и субстанция, и нечто постигнуто в понятии и познано в своей истине лишь тогда, когда оно полностью подчинено методу...». ²⁸

В философии ведущая роль отводится методу диалектики. Будучи наиболее конкретной и интегральной методологической системой, именно она помогла мне преодолеть не только сложившиеся на сегодняшний день стереотипы понимания библейских текстов, но и их искусственный язык. Диалектика, которой подчинено содержание Библии, помогла упорядочить внешний хаос, своеобразную «калейдоскопичность» и формальную противоречивость библейского мышления посредством анализа его языка. Это задача, с которой начинается любое серьезное исследование. «Ибо, – со слов А. Ф. Лосева, – всякая наука есть наука о смысле слова, или об осмысленных фактах, что и значит, что каждая наука в словах и о словах». ²⁹

Но необходимо заметить, что начало этого исследования не предполагало ни диалектики, ни логики. Этот процесс начинался с обычного интереса, если хотите, любопытства и любознательности. Это уже потом, спустя годы кропотливого труда, я поняла, что работаю методом диалектики, которая открыла мне путь к целостному пониманию притчеобразного библейского языка и всего, что скрыто за его наивной внешностью. **Диалектика убедила меня в том,**

²⁸ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. СПб. 1997. С. 756.

²⁹ Лосев А. Ф. Философия имени. М., 1927. С. 102.

что Библия есть явление «совершенно полнейшего и окончательного философского реализма», она есть «сама диалектика, есть вещь в своём смысловом развитии». Осуществление единства веры или душевного и духовного на страницах Библии находится в компетенции диалектики вместе с её неразлучной спутницей логикой.

В итоге подобного исследования я пришла к выводу, что высшие пророки и апостолы своим учением создают плодородную почву для логически-рационалистического мышления. Они утверждают его преимущество перед мышлением иррациональным, мистически и теологически субъективным, обусловленным психологическими штампами, наработанными стереотипами общественного мифологического мышления.

Начало серьезному критическому анализу Библии положил голландский ученый Бенедикт Спиноза, живший во второй половине XVII в. В 1670 г. он издал свой «Богословско-политический трактат», в котором изложил собственные взгляды на Библию. Его трактат лёг в основу библейской критики XIX в.

Методом познания природы как целого Б. Спиноза признавал критическое мышление. Он отвергал доверие к авторитету и чувственному опыту. Отсюда и Библию он представлял не как посланный с небес кодекс, устав жизни, а как часть целого в едином процессе развития. «Спиноза рас-

смачивает Библию как исторический документ, который должен быть исследован всесторонне».

Условившись, что Библию следует критиковать лишь с позиций самой Библии, «Б. Спиноза оказался вынужденным в течение всего „Трактата“ аргументировать данными, взятыми из самой Библии. Этот метод создавал впечатление, что критика исходит от глубоко религиозного человека, не сомневающегося в авторитете Священного Писания. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что этот метод на самом деле не соответствует содержанию, что, опираясь на Библию, Спиноза подвергает её разрушительной критике и лишает авторитета безошибочности, который ей приписывает церковь».³⁰

Сам Б. Спиноза о своем методе исследования древнего памятника духовной культуры отозвался как о серьезном деле – «исследовать Писание свободно и без предвзятых мыслей».³¹

Свой исторический метод исследования Б. Спиноза отождествлял с методом истолкования природы. «Для истолкования Писаний необходимо начертать его правдивую историю и из неё, как из известных данных и принципов, заключать при помощи законных выводов о мысли авторов Писания... Познание Писания должно быть заимствуемо только из самого Писания, подобно тому, как познание природы – из са-

³⁰ Спиноза Б. Богословско-политический трактат. М., 1935. С. 65

³¹ Там же. С. 65.

мой природы».³²

Таким образом, Б. Спиноза избирает имманентный способ исследования, ограниченный рамками текста, чтобы в итоге составить целостный образ этой книги и найти ей место в истории. Основной и главный источник познания вещи или явления – они сами.

На основании такого подхода Б. Спиноза в отношении Библии делает исторически верное предупреждение: **«Не позволительно извращать мысль Писания по внушениям нашего разума и сообразно с нашими предвзятыми мнениями, но всё познание о Библии должно быть заимствуемо только из неё... История Писания должна рассказать об обстоятельствах, относящихся ко всем книгам пророков... Но для этого требуется и метод, и порядок, схожие с теми, которыми мы пользуемся при истолковании природы на основании её истории».**³³

Исторический метод исследования Писаний Б. Спиноза характеризует как «единственный вернейший путь для нахождения его истинного смысла».³⁴

Однако Спиноза избранный им метод не признаёт универсальным для приобретения полного познания Писания. Он вообще приходит к неутешительному выводу: познать всю

³² Спиноза Б. Богословско-политический трактат. М., 1935. С. 115

³³ Спиноза Б. Богословско-политический трактат. С. 118, 119.

³⁴ Там же. С. 122.

историю Библии нет возможности. Эту надежду надо оставить как нереальную: «Хотя мы допускаем, что он (истинный метод) недостаточен для достоверного расследования всего, что встречается в Библии, однако, это происходит не от его недостатка, но оттого, что о дороге, которую он объявляет истинной и прямой, никогда не заботились. И она людьми не проторена, а потому с течением времени она сделалась очень трудною и почти непроходимую...». ³⁵

Как увидим далее, в данном предположении Б. Спиноза ошибался: универсальный метод, который закончит познание Библии и даст о ней объективное представление, всё-таки существует. И, не где-нибудь, а в самой Библии. Но об этом чуть позже. А сейчас конкретизирую те выводы, какие помог сделать Б. Спинозе избранный им исторический метод исследования «вечной книги». Прочитирую главные из них.

1. «Пятикнижие было написано не Моисеем, но другим, кто жил много веков спустя после Моисея.... Книга, написанная Моисеем, была другая..., которую автор Пятикнижия включил в свой труд в надлежащих местах». ³⁶

2. Книга Иисуса Навина, Судей, книги Самуила, Царей – «суть списки с других и что о событиях,

³⁵ Там же. С. 135.

³⁶ Там же. С. 142, 144, 138.

содержащихся в них, рассказывается как о старине... Все они были написаны одним и тем же историком, желавшим написать об иудейских древностях от первого их начала до первого разрушения города... Они суть списки, сделанные спустя много веков после совершившихся событий; мы заключаем..., что все они были написаны только одним историком».³⁷

3. Предполагаемый автор Пятикнижия – «Ездра... не наложил последней руки на рассказы, содержащиеся в этих книгах. Он сделал не что иное, как собрал истории из разных авторов, а иногда только просто списал и оставил их потомкам не проверенными и не приведёнными в порядок».³⁸

И дальше Б. Спиноза оставляет подобным себе исследователям Библии очень серьёзный вопрос, объективного ответа на который не существует и по сей день: **«Какие же причины помешали (если не преждевременная, может быть, смерть) выполнить ему это дело во всех его частях, я не могу угадать...»**.³⁹ Современный критический анализ Библии это наблюдение объяснил просто: сия книга есть сборник религиозной литературы; а мифы, наполняющие её, пришли из далёкой древности. Так что здравый смысл искать в ней не стоит. Так ли это, нам предстоит выяснить. И по-

³⁷ Там же. С. 146, 147.

³⁸ Там же. С. 151.

³⁹ Там же. С. 151.

может нам в этом непростом деле собственная для «вечной книги» теория или формула истины.

Подчеркивая исторический характер книг, составленных пророком и учёным Ездрой и, впоследствии вошедших в Библию, Б. Спиноза отмечает отсутствие необходимой системы в изложении событий: «Исторические пророчества Иеремии извлечены и собраны из разных летописцев.... Они сгружены беспорядочно, без всякой последовательности, в них одна и та же история вдобавок повторяется различным образом».⁴⁰ Б. Спиноза осуждает тех, кто «своим преклонением перед буквами и словами Писания делают не что иное, как выставляют писателей Библии на позор, так что они кажутся не умевшими ни говорить, ни излагать в порядке то, что им надлежало сказать».⁴¹

И дальше: «Наконец, я полагаю, что ни один здравомыслящий человек не думает, что историки Священных книг намеренно захотели так написать, чтобы они казались противоречащими себе на каждом шагу».⁴² Запомним это заключение бесстрашного исследователя запрещённой для критики книги.

Разрозненная фрагментарность библейских текстов и их беспорядочная сгруженность свойственны не только Пятикнижию. Эта форма текстов характерна для всей Библии:

⁴⁰ Там же. С. 168.

⁴¹ Там же. С. 168.

⁴² Там же. С. 176.

Евангелиям, посланиям, в том числе, и даже некоторым апокрифам. Эта хаотичность текстов, как станет известно из дальнейшего исследования, имеет своё концептуальное значение.

Исторический метод Б. Спинозы, как было подчёркнуто ранее, способствовал критическому осмыслению не только Пятикнижия Моисеева, но и Библии в целом. Критический анализ текстов положил начало разработке и других методов её исследования.

Один из них – метод «критики текста», второй – «критика форм». Метод «критики текста» существует с конца XIX в..., «критика форм» развилась уже в XX веке. Оба метода ставили своей целью выявить подлинное ядро учения Иисуса. Приверженцы первого метода сравнивали тексты Евангелий с учетом рукописных расхождений, пытаясь найти общее и характерное для них.

Учёные же, разрабатывающие «критику форм», искали следы устной традиции, выделяли ее отдельные блоки – речи Иисуса, притчи, рассказы о чудесах и этапы развития. Одним словом, современные методы исследования библейских текстов сводятся к поиску их древних литературных источников, которые также являются религиозными произведениями, литературными памятниками эпохи эллинизма.

Со слов А. Меня, «начало критической библеистике было положено католическими и протестантскими богословами, а также внеконфессиональными религиозными мыслите-

лями. В настоящее время исследование исторической и литературной формы Библии получило признание в западном богословии. Впоследствии необходимость библейской критики была признана и многими выдающимися представителями православной мысли...». ⁴³ Известный богослов, историк и церковно-общественный деятель А. Карташов «призвал оставить устаревшие концепции и пользоваться критическим методом в изучении Священного Писания». ⁴⁴ О. А. Мень подчеркивает, что «литературно-критическое изучение Библии... может оказать существенную помощь в создании целостного христианского мирозерцания». ⁴⁵

«Библейская критика есть наука, изучающая Священное Писание как литературное произведение. Перед ней стоит множество обширных проблем. Она рассматривает вопросы разночтений в рукописях, определяет время возникновения той или иной книги, исследует проблему авторства. На помощь библейской критике приходят история Древнего Востока, археология, восточная филология. Они помогают уточнять подлинный смысл того, что хотел сказать священный автор». ⁴⁶ О. А. Мень считает, что критический метод исследования текстов Библии поможет найти истину.

⁴³ Канонические Евангелия / Под ред. Лёзова С. В.. М., 1993. С. 46—51.

⁴⁴ Мень А. История религии: В 7 т. М., 1991. Т. 2. С. 11.

⁴⁵ Карташев А. О ветхозаветной библейской критике. Париж. С. 6.

⁴⁶ Мень А. История религии: В 7 т. М., 1991. Т. 2. С. 330.

«Поиски правды, — говорит он, — должны быть для нас дороже любых привычек и традиций. А реальная история, реальная жизнь всегда прекрасней вымысла, даже самого причудливого».⁴⁷ Не согласиться с такими выводами невозможно. Только вот, ходить так далеко не стоит: метод и приёмы исследования «вечной книги» находятся внутри неё самой. Их предусмотрительные авторы оставили его наследникам своих обетований, т.е. уникальных по своей значимости знаний.

Метод «критики форм» стал развиваться с 1919 г., когда в свет вышли книги Мартина Дибелиуса (1883—1947 гг.) «Анализ форм Евангелий», Карла Людвига Шмидта (1891—1956 гг.) «Обрамление истории Иисуса», в 1921 г. — книга Рудольфа Бультмана (1884—1976 гг.) «История синоптической традиции». С. В. Лезов пишет, что термин Формгешихте не удастся выразить одним русским термином и означает в дословном переводе «история форм». «Мы передаем его как «метод анализа форм». Термин Формгешихте подразумевает анализ перикоп (отдельных эпизодов), составляющих синоптическую традицию, с точки зрения жанровой формы этих перикоп, а также восстановление истории синоптической традиции до ее письменного закрепления в Евангелиях...».⁴⁸

Согласно определению Р. Бультмана, задача анализа форм применительно к Евангелиям состоит в следующем:

⁴⁷ Там же. С. 330.

⁴⁸ Там же. Т. 2. С. 331.

«Описать историю переработанного в Евангелиях материала традиции от внелитературных истоков и до литературной фиксации в различных Евангелиях, исходя из того, что материал традиции первоначально существовал в виде отдельных текстов, возникновение и историю которых можно узнать путем исследования их формы».⁴⁹

Процитированные методы исследования Библии признаны, и ими пользуются учёные-библеисты независимо от их мировоззренческой платформы. Но эти методы одновременно отмечены как несовершенные. Вопрос, «почему и как случилось, что часть раннехристианской литературы, написанной в первом и начале второго века, получила статус Священного Писания и составила отдельный от еврейских книг сборник – канон Нового Завета, – остается пока без своего ответа. Мнение исследователей, пытавшихся ответить на эти вопросы, довольно сильно расходятся. История канона остается одной из самых трудных областей новозаветной науки».⁵⁰ Сравнительные анализы всех четырёх Евангелий канона оказались бессильными «найти исчерпывающие им объяснения..., конструирование архетипа оказалось невозможным». Р. Бультман, работая методом анализа форм, пришел к выводу, что «Евангелия – это культовые легенды». К. Л. Шмидт охарактеризовал Евангелия тоже как «просто-

⁴⁹ Там же. Т. 2. С. 331.

⁵⁰ Bultman P. Die Religion in Geschichte und Gegenwart. 2. Aufl, Tübingen, 1927, Bd. 2, стб.

народные культовые книги». ⁵¹ М. Дебилиус отнес «Евангелия к малой (т. е. низовой. – С. Л.) литературе, которая была обращена к публике, не имевшей связей с большой культурой эллинизма». ⁵²

Как было замечено ранее, авторы книг Ветхого Завета, а потом и Иисус Христос также не оставили без внимания метод исследования «великого дела», непосредственным участником и исполнителем постановлений которого он являлся. Они позаботились о его «будущем веке» и дали людям собственный механизм, собственные правила исследования их писаний. Попытка воссоздать идейную, а не буквальную аутентичность Евангелий без их метода дешифровки – затея безуспешная.

В чём же заключается интрига библейской истины с её конкретной формулировкой и конкретным методом её познания? Ответы будем находить исключительно в самой Библии. Она – источник проблем, она их сама и должна разрешить.

Христос, придя в мир, открыто заявил, что «он пришёл не для того, чтобы нарушить закон, или пророков», а для того, чтобы исполнить их. Далее евангелист устами Христа говорит, что он «пришёл взыскать и спасти погибшее» *Лк*

⁵¹ Лёзов С. В., Тищенко С. В. Канонические Евангелия. М. 1993. С. 46—51.

⁵² Schmidt K. L. Die Schtellung der Evangelien in der allgemeinen Literaturgeschichte. – Schmidt K. L. Neues Testament. Judentum. Kirche. (Kleine Schriften). Munchen, 1981. С. 66—67.

11:49. Значит, тот пророческий закон, который он пришёл исполнить, ко времени его прихода был настолько подпорчен, что для таких людей, как Христос, считался погибшим: «Моисей дал вам закон, но никто из вас не поступает по закону... Этот народ невежда в законе, проклят он... Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, предателями и убийцами которого сделались ныне вы; вы, которые приняли закон при служении ангелов и не сохранили...» *Ин 7:19,47—49. Деян 7:52—53.*

Иными словами, к моменту прихода в мир человека Иисуса Христа закон учения иудейской публикой, начиная с её первосвященников, трактовался превратно, совсем не так, как и по сей день требуют произведения высших пророков. Известно, что еврейский Талмуд – собрание догматических, религиозно-этических и правовых положений иудаизма, сложившихся в IV в. до н. э. – V в. н. э.⁵³ Отсюда делаем вывод: Христос оценивал Талмуд как документ, свидетельствующий об умышленном извращении еврейскими законодателями той правды, которой изначально отводилась роль основополагающей идеи учения, записанного вначале в Пятикнижии, а потом и в остальных, впоследствии составивших канон книг.

Христос на вопрос Пилата, «что есть истина», отвечает: «Я пришёл свидетельствовать об истине». Значит, пророки,

⁵³ Советский энциклопедический словарь. М., 1987. С. 1305.

и их закон уже заключали в себе какую-то истину, о которой ко времени Христа уже никто не помнил: «Я есть истина.... Писания свидетельствуют о Мне, Исаия писал о мне....».

Таким образом, евангелист устами Христа засвидетельствовал очевидную вещь: истина, о которой свидетельствовали Писания, и о которой пришёл свидетельствовать человек Иисус Христос, к началу первого века новой эры оказалась погибшей. Её срочно надо было спасать. И, скажите, кому бы это тогда понравилось? Я убеждена, что и на начало третьего тысячелетия это исправление понравится далеко не всем.

Нетрадиционное толкование пророка и их закона Иисусом Христом вызывала в обществе иудеев настоящий переполох: «...Никогда человек не говорил так, как этот человек...» *Ин 7:46*. Они роптали, называя Христа скандалистом и смутьяном: «Он возмущал народ....».. Служители иудейского культа вынуждены были обратиться к представителям римской власти с тем, чтобы запретить смутьяну возбуждать публику, сеять в ней сомнения, разрушать основы традиционной веры. Вожди иудаизма требовали защитить легкоранимые чувства своей паствы. Они опасались новых веяний для своей религии, как мощного рычага укрощения масс. В итоге «новое учение» было признано заблуждением, а человек Иисус Христос на радость многим был казнён на римском столбе правосудия.

«Твёрдое основание» учения

Об учении высших пророков в исполнительной части Библии – в Новом Завете – написано много и всегда конкретно. На его страницах оценки учения диаметрально противоположны: в одном случае его называют здоровым, в другом – не здоровым. *1 Тим 4:16*. Возникает вопрос: существуют ли критерии этих определений? Требования авторов библейских произведений говорят о том, что такие критерии существуют.

Лука заостряет внимание на том, что **учение, спасаемое Христом, имеет «твёрдое основание»** *Лк 1:3,4*. На современном философском языке это означает, что учение, как концептуальная модель обладает своей собственной теоретической основой, которую я назвала теорией познания библейской истины, её формулой, или алгоритмом движения разума к истине, или просто его схемой, или моделью. Эта теория познания – константа учения – неизменная и постоянная формула истины для обеих частей Библии: первой программной и второй исполнительной. За рабочую гипотезу можно взять предположение о том, что «новое учение», основной закон (мы ещё не знаем, в чём его значение) которого Христос пришёл исполнить, представляет собой некую систему теоретически и логически обоснованных знаний.

Незамедлительно зададимся вопросом: из каких положений складывается это самое «твёрдое основание»?

Из собственного опыта знаю, что первая законодательная часть Библии, так называемый Ветхий Завет, для ответа на этот вопрос – вещь совершенно неподъёмная.⁵⁴ Начинаящему исследователю распознать в ней истину, о которой приходил свидетельствовать Иисус Христос, практически, нет никакой возможности. Эту трудность усложняют многочисленные компилятивные вмешательства, неверные переводы несведущих в деле редакторов, традиционные догматического содержания трактовки текстов, в итоге многих сотен лет сформировавшие относительно учения и его авторов ложные представления, зомбировавшие научное и общественное религиозное сознание.

Ключом к пониманию первой или программной части Библии является её вторая, или исполнительная, часть. В ней его авторы, в том числе и человек Иисус Христос, поскольку «он пришёл исполнить закон и пророков», преподнесли миру «твёрдое основание» в развёрнутом, почти открытом виде. По-существу книги второй исполнительной части Библии являются своеобразным методическим руководством

⁵⁴ Лк 1:4. Читатель уже должен был обратить внимание на то, что я, в отличие от многих исследователей Библии, не делю её на две независимые части. Она – одна программа, записанного в ней «великого дела». Поэтому методы исследования одни для всей Библии и даже для некоторых апокрифов.

в непростом деле понимания всей загадочной глубины библейской мудрости. Авторы Евангелий и посланий только тем и занимаются, что своими формулировками теории познания, а также личным примером понимания веры объясняют «узкий путь», ведущий к познанию той самой истины, которую Христос почему-то оставил без ответа, – путь к совершенству, т.е. к достоверному, объективному, адекватному знанию не только принципиальных основ учения, но и всей истории «великого дела» *Ин 18:38,37*. «Камень» по имени Христос – средство достижения реализма в постижении базовых положений этого дела.

Пять положений библейской теории познания

1. Учение занимается исследованием вопроса – что есть истина? Его исполнительная часть, так называемый Новый Завет, рассматривает проблему смерти и воскрешения мёртвых. Есть оно или нет его? Первая, программная часть учения, или так называемый Ветхий Завет, рассматривает проблему сверхъестественного творения мира. Было оно или не было его?

2. Учение обладает своим специфическим языком, который апостол Павел назвал чужестранным.

3. Учение имеет свою форму и содержание. Оно структурно. У него две стороны – внешняя, которой оно повёрнуто к людям, и внутренняя, невидимая, которая людям неизвестна.

Христос восклицал: «Неразумные! Неужели не знаете, что один и тот же создал как внешнее, так и внутреннее» *Лк 11:40*. На языке современной философии это означает одно – учение имеет свою форму и содержание. Существуют ли связи между этими категориями? И если существуют, то в чём они выражаются? Узнаем чуть позже.

Лосев А.Ф Писал: «Структура – это самое главное. Ведь без структуры нет никакой раздельности. А если в предмете нет никакой раздельности, то это значит только то, что мы

не можем приписать ему никаких свойств, ведь всякое свойство предмета уже вносит в него кукуую-то раздельность».⁵⁵ Невозможно не заметить, что каждое новое положение теории истины обусловлено структурностью учения. Движение разума, его развитие от абстракции к конкретности суждений разворачивается в узких рамках теории.

В соответствии структуре учения оно имеет два уровня знания о себе, о своём основном вопросе. Каждый из этих уровней развивает свою сферу воззрений. У каждого из них существуют свои принципы и методы движения разума к решению основного вопроса учения.

Простое беллетристическое чтение Библии с его безосновательной верой в «чужестранный язык» будет означать низший уровень познания учения и его главного вопроса – вопроса о воскрешении мёртвых. Этот уровень предназначен для тех, кто в познании мира остановился на доверии чувству и его скользящему по поверхности явления взгляду. В таком формате учение оценивается, как не здоровое.

3. Третье положение библейской формулы истины едва различимо, но основательно озвучивает апостол Павел. Прочитую его дословно. Он на глубоко иносказательном языке пишет: «Все крестились в Моисея, все ели одну и ту же духовную пищу, пили одно и то же духовное питьё из одно-

⁵⁵ Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М.1990. С. 24.

го духовного последующего камня; камень же был Христос. Но не о многих из них благоволил Бог, ибо они поражены были в пустыне». И далее он заостряет мысль на том, что **«это были образы для нас..., чтобы мы не были идо-лопоклонниками..., блудодеями..., чтобы мы не искушали Христа (то есть „камень“ учения, его теоретическое основание. – Авт.), как многие из них» 1Кор 10:4—11.**

Смотрите, у Павла, как и у Луки, «Христос – камень», т. е. «твёрдое основание». Камень один, но пользоваться им можно с пользой и без пользы.

Теперь мы понимаем, что Павел указывает на одно из положений теории истины, согласно которой, у этого камня две стороны, а значит, соответственно и два уровня понимания концептуальной модели истины – низший и высший. «Поражение в пустыне» означает одно: низший, формальный уровень познания основ учения такими миссионерами, как Павел, осуждён изначально. Он опасен своей ограниченностью познания пророков и их закона. Также замечаем, что Бог к таким исследователям не благоволит, т.е. не заключает с ними своего великосветского завета или союза.

Теперь нам понятно, что **Писания свидетельствуют о «камне» как о «твёрдом основании», но не о человеке того же имени, якобы обретшем образ Божий. Свидетельство Писаний выразилось в виде образов, т.е. тех самых разрозненных фрагментов, из которых сла-**

гаются тексты Библии, о чём писал в начале XVII в. голландский аналитик Библии Б. Спиноза.

Это решение проблемы Писаний волновало меня до самого того момента, пока я не постигла тайное значение ключевых слов Павла, который обращает внимание исследователя на очень важную особенность формы учения, на его внешнюю, религиозно звучащую сторону. **В первой законодательной или программной части Библии истина учения о воскрешении мёртвых или о творении зафиксирована в виде разных по размеру и внешнему виду образов.** Образ может, в буквальном смысле слова, выражаться тремя, пятью словами. А может и целой книгой, которая также слагается из вереницы меньших по размеру фрагментов. Как говорится, множество в одном. Необходимо обратить внимание и на то, что **фрагментарность текстов свойственна не только первой части «великого дела», но и второй – новозаветной.** Евангелия написаны фрагментарно и образно в полном соответствии общей для Библии теории истины. Например, написанное «говорит Христос» необходимо понимать как «говорит «твёрдое основание»». Разумеется, что эта форма речи предполагает многое. Она открывает узкую дверь в неведомое царство объективного знания с её «твёрдым основанием». Эту дверь, со слов евангелиста, находят немногие. Многие же в сферу рационального знания пытаются войти широким путём и настежь открытыми вратами. Но это путь за-

ведомо ошибочный.

Об образно-символическом языке учения открыто говорили посвящённые в его истину высшие апостолы, которые «в вере евангельской стояли в одном духе, были единомышленны» *Филипп 1:27*. Например, ученик Христа Филипп, который в Евангелии от Иоанна просит показать ему Отца и Сына, спустя время, напишет: наша «истина (о творении и о воскрешении этого творения. — *Авт.*) не пришла в мир обнажённой, но она пришла в символах и образах. Он не получит её по-другому.... Имена, которые даны вещам земным (внешним, записанным на религиозном языке. — *Авт.*), заключают великое заблуждение, ибо они отвлекают сердце (критически мыслящий разум. — *Авт.*) от того, что прочно, к тому, что не прочно, и тот, кто слышит слово „Бог“, не постигает того, что прочно. Но постигает то, что не прочно».⁵⁶ Эти слова говорят о том, что внешняя, формальная сторона учения — первый, начальный уровень знания обладает свойством поднять исследователя на второй уровень с его совершенным знанием. «Прочное или чистое знание» евангелисты награждают почётным статусом знания совершенного, или «жизни вечной», или «святыней» *Мф 5:48. Лк 6:40. Ефес 4:11—14*.

А теперь приведу несколько примеров тому, как «работает» эта теория на страницах Библии.

⁵⁶ Свенцицкая И. С., Трофимова М. К. Апокрифы древних христиан. М. 1989. С. 275.

В начале «книги Бытие» написано: «Вначале Бог сотворил небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою». Согласно положениям теории истины, созданные Богом «земля» и «небо» – иносказательные образы двух сторон учения с их сферами и уровнями постижения. Значит, библейские авторы не задавались целью объяснить происхождение вещественного и духовного мира. Их волновали совершенно иные вопросы бытия, не лежащие в плоскости наук о Вселенной и, в частности, о Земле – географии, астрономии, биологии... Бог – творец! Но творит он нечто противоположное тому, что шепчет нам на ухо хитрая, обольстительная и предательская буква или форма учения с её искусственным языком.

И тогда возникает закономерный вопрос: а что есть в таком случае «Бог» и его «Сын»? Если мы будем понимать их согласно древней языческой традиции, то наши представления об учении и его Боге будут нечистыми, т. е. ложными. Учению будет отведён статус не здорового. И, наоборот, если мы будем знать его теоретически, то наше знание учения будет чистым или истинным. Современная философия это знание называет объективным, теоретически, фактически и логически обоснованным.

Пропускаем слова о творении через теорию истины: Бог создаёт структурное учение. Каждую из сторон или сфер учения он награждает образами земли и неба. «Земля» –

форма учения с её религиозным языком. «Небо» – невидимая сторона того же учения, но с уже расшифрованным языком, когда мифологический дух буквы принудительно, но мирно и без особых сопротивлений трансформируется в духовную рациональность, в логическую сферу рассуждений.

Понятно, что «чистое знание» есть итог теоретического обоснования формы учения, его внешней стороны, которая усилиями теории истины мягко трансформируется в логико-рационалистическую «картину мира», т.е. в философскую систему воззрений с её, как увидим далее, единым основанием. Читатель должен уже почувствовать развитие нашей мысли к тому, что требовал апостол Павел: о необходимости истолкования «чужестранного» для истины искусственного языка.

Именно эти «землю» и «небо» имеет в виду пророк, когда пишет: «Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце.... Небо – престол Мой, а земля – подножие ног Моих; где же вы построите дом для Меня, и где место покоя Моего?» *Исаия 65:17; 66:1.*

Разумеется, престол важнее подножия. Дом для Господа будет построен во второй сфере постижения истины, с её теоретически обоснованными суждениями и выводами.

«Изгнание бесов», «свидетельство воскрешения», «вера» и «крещение», «говорение новыми языками», «возложение рук на больных», «вознесение на небо», «последующие зна-

мения» и многое, и многое другое, оказывается, это всё образы одной сущности, а не реальные имена и их действия. Пророки и евангелисты истину учения облачают в разные индизказательно-метафорические образы, привязывая их к единому для учения «твёрдому основанию» — «единому пастырю». Рациональному знанию, развившемуся от него, они дали образы «Царствия Небесного», «Царствия Божия» и многие другие образы.

В таком случае, на каком небе обитает Бог, и на какое небо вознёсся его первородный Сын Иисус Христос? На то ли, которое у нас над головой, или на какое-то другое? Библейская теория познания ассоциативный образ буквы подвергает большому сомнению. И здесь, как говорится, ничего не попишешь! Логика — упрямая вещь. Она говорит сама за себя, вынуждая человека мыслить аргументированно, что значит рассудительно.

Давно замечено большое сходство христианской традиции с древними, языческими верованиями. Эту проблему рассматривали многие учёные антропологи, религиоведы, историки Библии. Николай Бердяев по поводу этой похожести писал: «Уже первые христианские апологеты были поражены сходством мистерий Митры, религии, конкурировавшей с христианством, и мистерий христианских, христианской литургии. Некоторые из них пытались выйти из затруднения, признав, что демоны внушили в религии Митры имитацию христианства, чтобы сбить с толку и поме-

шать восприятию чистоты христианства. Но история дохристианских религий обнаружила, что в язычестве был страдающий бог, бог-искупитель, бог, растерзанный силами этого мира, умирающий и воскрешающий, дающий жизнь тем, которые приобщаются к его мистериям. Такими страдающими богами были Озирис, Адонис, Аттис, Дионис. Сходство мистерий Озириса с христианской литургией поразительно. То, что представлялось исключительным достоянием христианства, оказалось присущим и языческим религиям. История религии по первоначальному впечатлению умаляет оригинальность христианства. Уже доцивилизованные знали понятие благодати – *mana*. Уже в первобытной религии тотемизма была тотемистическая евхаристия, приобщение плоти и крови тотемистического животного. И приобщение это давало благодатные силы. Уже древние мексиканцы признавали транссубстизацию (переход. – *Авт.*) и превращение хлеба в тело. Особенно блестящие работы Фразера представляются соблазнительными и подрывающими оригинальность христианства. Фразер любит указывать на то, что в дохристианских религиях уже были все элементы, которые потом были заимствованы христианством. Идея воплощения бога в человеке близка дикарям. Озирис, Адонис, Аттис были олицетворением гибели и возрождения жизни в боге, который умирает и воскресает. Языческие религии знали свое Рождество и Пасху. Божественное животное убивали и этим увеличивали его благодатную силу. Древний языче-

ский мир был полон жажды искупления и евхаристии, жажды воскресения через смерть. Все языческие культы этим наполнены. Я встречал благочестивых, крепко православных людей, которые приходили в величайшее смущение, прочитав какую-нибудь книжку о тотемизме, и не находили способов защитить оригинальность христианства. Большая часть книг по истории религии кроме элементов объективно-научных заключают в себе тайное или явное желание доказать, что христианство не оригинально и всё заимствовало из языческих религий. Миф о Христе Искупителе есть лишь воспроизведение дохристианского солярного мифа. Кришна был уже типичным Сыном Божиим. В персидской эсхатологии, которая оказала определяющее влияние на эсхатологию и апокалиптику еврейскую, были уже даны все основы эсхатологии христианской. Откровение Св. Иоанна очень напоминает персидский апокалипсис, в котором тоже изображена последняя борьба доброго и злого бога. Сама идея дьявола, по-видимому, персидского происхождения. В высших формах греческой религии, в орфизме, в орфических мистериях, в значительной степени предвосхищено христианство». ⁵⁷

⁵⁷ Бердяев Н. Наука о религии и христианская апологетика. Электронная версия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.